

Олег Лекманов

Мандельштам — баснописец

Среди шуточных стихотворений Мандельштама 1930-х гг. особую группу образуют так называемые «дурацкие басни» (как определен этот мандельштамовский жанр в письме С.Б.Рудакова к жене от 15 июня 1935).

Еще в 1910-е гг. поэт принимал активное участие в сочинении коллективных «жор» и «Антологии античной глупости»; в 1920-е — «Антологии житейской глупости». Судя по всему, к сочинению «дурацких басен» Мандельштам также пытался привлечь возможно более широкое количество своих друзей и приятелей. Так, в создании басни «Случайная небрежность иль ослышка...» принял участие Сергей Рудаков.

Еще одним образцом данного жанра, как нам представляется, правомерно считать эпиграмму Павла Васильева на Сергея Клычкова 1933 года (в эту пору оба поэта входили в ближайшее окружение Мандельштама). В седьмом номере «Нового мира» за 1932 год была опубликована поэма Клычкова «Мадур-Ваза победитель», вольная обработка поэмы М.Плотникова «Янгал-Маа», чьей основой в свою очередь послужили вогульские (мансийские) сказания. Вскоре после этой публикации против Клычкова было выдвинуто обвинение в плагиате. Тогда и было написано ехидное стихотворение Васильева:

Один мастак из мастаков
Сергей Антонович Клычков
Спер Мадура и был таков.*

К числу «дурацких басен» это трехстишие позволяет отнести его разительное сходство с соответствующими опусами Мандельштама. Так, в зачине и в «крыловском» финале своего стихотворения Васильев использовал характерные для некоторых «дурацких басен» ритуальные формулы. Соблюдено у Васильева еще

* Приведем еще одну, неопубликованную эпиграмму Васильева на Клычкова (из альбома А.Е.Крученых): «И предстал пред Мадур-Вазой / Воин с тихими глазами. / Волосы его густые / Вороным крылом спали / На суконные оплечья: / Ты скажи мне, Мадур-Ваза / Разреш мою задачу: / Сколько будет если тыщу / На четырнадцать умножить» (РГАЛИ, ф.1684, оп.1, ед.хр.61, л.6). Эта эпиграмма датирована в альбоме 1933 годом.

одно, обязательное для целого ряда «дурацких басен» правило: иронически переключаться в стихи остроумные газетные заметки и лозунги.

В «Полном собрании стихотворений» Мандельштама, подготовленном А.Г.Мецем, к числу «дурацких басен» отнесено восемь текстов. Два из них — «предположительно». Об этих двух текстах и пойдет речь в нижеследующей заметке.

1.

Какой-то гражданин, наверное, попович,
Наевшись коммерческих хлебов,
— Благодарю, — воскликнул, —
Каганович!
И был таков.

А.Г.Мец сопроводил это четверостишие следующим примечанием: «Стихотворение писалось, вероятно, в конце нэпа, но с какой стороны деятельности Л.М.Кагановича оно было связано, нам не удалось установить».

Деятельность Лазаря Моисеевича Кагановича по обеспечению части населения молодой советской республики хлебом — путем отъема этого хлеба у другой части молодой советской республики — началась на заре его политической карьеры. Уже в 1919 г. в качестве уполномоченного ВЦИК Каганович поехал выбивать хлеб у сибирских крестьян, о чем впоследствии написал специальную брошюру (Как нам достается хлеб. Доклад уполномоченного ВЦИК по реализации урожая 1919 года в Сибирской губернии тов. Кагановича. М., 1920).

В разгар нэпа, в 1927 г., на X съезде КП(б)У Каганович сделал доклад, в котором появился важный для нас мотив «коммерческих хлебов»: «Потребительская кооперация охватила уже крестьянский и рабочий потребительский бюджет на 50%. Рабочая кооперация развивает также широкую работу в деле общественного питания и хлебопечения».

В 1932 г., уже будучи одним из кремлевских вождей, в речи на втором пленуме Московского областного комитета ВКП(б) совместно с секретариатом райкомов области Каганович также ратует за развитие кооперативного сектора: «Необходимо наполнить базары содержанием, то есть товарами. Основной задачей сейчас является всемерное стимулирование подвоза продуктов на базары. С этой целью мы идем на то, чтобы 50-верстную зону вокруг Москвы освободить от государственных заготовок и контракции кроме хлеба».

Однако пик деятельности Кагановича по обеспечению Москвы и Московской области государственным и коммерческим хлебом пришелся на 1933 год. Теме хлеба был посвящен доклад Кагановича на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 16 февраля 1933 года. При внимательном чтении этого доклада становится понятно, почему «благодарю» в мандельштамовском четверостишии восклицает «наверное попович»: «Попы, которые служат помещикам и капиталистам, устраивают молебны, чтобы была засуха, — клеймит Каганович американских священнослужителей. — Пожалуй, можно было бы им отправить для этих молебнов значительную часть наших безработных попов. (Смех, аплодисменты). Они быстро приспособятся к американским капиталистам и молебны перестроят: вместо просьбы бога о дожде начнут просить бога о засухе (Смех)». «Благодарю» поповича, как и финальная строка мандельштамовского четверостишия («И был таков»), в свете предложения Кагановича обретают новое звучание.

Приведенный фрагмент из выступления Кагановича позволяет предположить, что мандельштамовская басня (так же, как эпиграмма Павла Васильева на Сергея Клычкова) была написана в 1933 году. Тем более, что 4 июля 1933 г. в своей речи на пленуме МК и МГК ВКП(б) Каганович про-

должил тему «коммерческих хлебов»: «Наши сельские и районные работники должны твердо усвоить, что единоличник — это завтрашний колхозник. Мы должны организовать работу среди единоличников по полному и своевременному выполнению обязательств по хлебосдачам». В этой же речи Каганович воспекает прелести колхозного строя (что знаменует отказ от периода «коммерческих хлебов») и обращается к воображаемому оппоненту с лукавым предложением: «Попробуй нашему крестьянину — бедняку и середняку предложить вернуться к капиталистическому пути развития сельского хозяйства! Попробуй и посмотри, что он ответит на это!»

Мандельштам хорошо знал, что мог бы ответить на это крестьянин. Летом 1933 г., после поездки с женой в Крым, он написал стихотворение, которое отчасти, думается, было написано под впечатлением от только что процитированной речи Кагановича:

Холодная весна. Бесхлебный робкий
Крым.
Как был при Врангеле — такой же
виноватый.
Комочки на земле. На рублках
заплаты.
Всё тот же кисленький,
кусающийся дым.

Всё так же хороша рассеянная
даль.
Дерева, почками набухшие
на малость,
Стоят как пришлые, и вызывает
жалость
Пасхальной глупостью украшенный
миндаль.

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украйны
и Кубани...
На войлочной земле голодные
крестьяне
Калитку стерегут, не трогая
крыльца.

Лето 1933.
Москва. После Крыма.

Комментарий Надежды Яковлевны Мандельштам: «Кубань и Украйна (место предыдущей «хлебодобывающей» деятельности Кагановича. — О.Л.) названы точно — распросы людей, бродивших с протянутой рукой. Калитку действительно стерегли день и ночь — и собаки, и люди, чтобы бродяги не разбили саманную стенку дома и не вытащили последних запасов муки. Тогда ведь сами хозяева стали бы бродягами. Они пошли бы побираться, чтобы не погибнуть от отсутствия хлеба».

Осенью того же 1933 г. Мандельштам разразился лютой эпиграммой на патрона и бога Кагановича — «Мы живем, под собою не чуя страны...», вторая строка которой («Наши речи за десять шагов не слышны») как бы противопоставляла неслышанную речь поэта (стихотворение о Крыме) громогласным речам Кагановича. Напомним, что 3-4-й стихи стихотворения Мандельштама о Сталине первоначально читались следующим образом: «Только слышно кремлевского горца, / Душегубца и мужикоборца».

2.

Однажды из далекого кишлака
Пришел дехканин в кооператив,
Чтобы купить себе презерватив.
Откуда ни возьмись, мулла-собака,
Его нахально вдруг опередив,
Купил товар и был таков. Однако!

Эту «дурацкую басню» труднее приурочить к какой-либо конкретной дате, поскольку в ней иронически обыгрываются ходовые штампы, к которым в течение долгих лет прибегали советские писатели, поэты и журналисты, изображавшие мусульманский быт. «Для характеристики Сред-

ней Азии, — указывал Л.В.Щерба, — служат, кроме кишлака в смысле деревня (...) бай в смысле кулак, дехканин [sic!] в смысле крестьянин». Отметим все же, что 1931-1933 гг. ознаменовались повышенным интересом деятелей советской культуры и журналистики к республикам, где до революции активно проповедовался ислам. В 1933 г. был издан «роман в стихах» Г.Санникова «В гостях у египтян», содержащий такие, например, строки: «По кишлакам смятые сеяли / Муллы, ссылаясь на коран» и «Кишлак "Чатур". Но где дехкане?» (этот роман позднее был включен Санниковым в книгу «Восток» (1935), которую Мандельштам отрецензировал). В 1932 г. вышел в свет роман мандельштамовского обидчика Амира Саргиджана «Последняя Бухара». А годом ранее, в 1931 г., был опубликован «Золотой теленок» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, где тема Средней Азии занимает весьма существенное место. В частности, герой «Золотого теленка» Остап Бендер сочиняет стихотворение, в котором без большой натяжки можно усмотреть прообраз интересующей нас «дурацкой басни» Мандельштама. И там и там высмеивается тот принцип советской восточной поэзии, который будет следующим образом описан в рецензии Мандельштама 1935 г. на «Дагестанскую антологию»: «Политические лозунги дагестанская лирика всегда поворачивает к родной стране, национально окрашивает».

Напомним текст четверостишия Остапа Бендера:

Цветет урюк под грохот дней,
Дрожит зарей кишлак,
И среди арыков и аллей
Идет гулять ишак.

Напомним также, что десять страниц спустя Бендер и Корейко разыгрывают сцену, чем-то отдаленно напоминающую ту, что описана в мандельштамовской басне: «Могло бы показаться даже, что дело происходит в кооперативном магазине: покупатель спрашивает головной убор, а продавец лениво выбрасывает на прилавок похматую кепку булжного цвета».

Остается отметить, что тема обличения мусульманского духовенства, стремящегося обмануть простого крестьянина, занимала очень важное место на страницах советских изданий. Приведем здесь только три примера из текстов 1933 г., взятых из газет, которые Мандельштам почти наверняка просматривал: «Один процент грамотности — да и то весь этот процент состоял из зажиточных и мулл» (3. Саидов. И мне дайте слово! // «Литературная газета», 1933, 23 авг.); «Можно привести десятки и сотни фактов выступления кулаков, баев, ишанов, мулл, направленных на дискредитацию мероприятий партии и правительства в городе и деревне» (Классовый враг под маской национализма. Обзор печати // «Правда», 1933, 14 июня); «Природа мать, / Ты помнишь злое детство / (...) Всё в синяках / От "ласки" толстых баев, / В кровоподтеках от щипков мулл» (С. Муканов. Здравствуй, май! // «Известия», 1933, 1 мая).

А вот слово «презерватив» в пури-танский советский лексикон 1930-х гг., разумеется, не входило. Может быть, образцом для Мандельштама в данном случае послужил детский хулиганский стишок, где, как и в мандельштамовской басне, «презерватив» рифмуется с «ко[о]перативом» («Пошел козел в коператив, / Купил козел презерватив»)?

Москва

Библиотека
им. Тургенева

открыта по вторникам,
четвергам и субботам
с 15 до 19 ч.

11 rue de Valence, Paris-5.
Tél.: 01.45.35.58.51.

16.11.2000.
318
Мандельштам Осип